

ПЕРВЫЙ ФРОНТ

Собирать винтовочные гильзы
на полях непаханой земли
я ходил в «ботинках по ленд-лизу»,
и они отчаянно текли.
Я смотрел, как дождь на мокрых пожнях
донимал растрепанных ворон,
и жалел, что лучший наш сапожник
в бомбовой воронке погребен.
Щурясь, как при выходе на стрельбы,
с дратвою в застуженных руках,
он-то уж никак не потерпел бы
дырок в иностранных башмаках.
Он бы к ним по-нашему, по-русски
от щедрот немереной души
притачал бы хорошие союзки.
— На,— сказал бы,— радуйся, пляши! —
Как бы я подковками по мосту
грохнул бы, дивя районный люд!
Но, увы, убитые с погоста,
как ты там ни грохай, не встают.

Лишь потом по своду старых правил
я узнал, что, бедам нашим рад,
мне мои ботинки в счет поставил
некий зарубежный дипломат.
Желтые, из буйволово́й кожи,
сшитые на совесть, не солгу.
Я носил два года их и все же
я себя не чувствую в долгу.
Подлая, торгашеская милость!
Я считаю так, что за меня
собственной кровью расплатилась
щедрая окопная родня.

Я б хотел спросить у дипломата,
не касаясь прочих важных тем:
как бы он сумел представить плату,
чтоб ее сполна вручили тем,
кто в Берлине в грохоте и гуле
шел в огонь у выщербленных стен,
сердцем пересчитывая пули,
ничего не требуя взамен?
Мы щедрей. Мы платы не просили
за печаль неслыханных утрат
в год, когда на родину, в Россию,
ехал из Германии солдат,
в год, когда, с лица смывая копоть,
думал он про пахоту и сев,
выхватить союзную Европу
из печей Освенцима успеv.